

Я. Г. Шемякин, О. Д. Шемякина

«Уход-и-Возврат»: социокультурная стратегия и реальность истории: проект исследовательской программы

Аннотация: в статье представлен проект исследовательской программы. Основная цель проекта – изучение социокультурного механизма, обеспечивающего воплощение тех или иных принятых какой-либо общностью ценностей и идей в различные социальные и ментальные практики. Авторы проекта непосредственно опираются на концепцию «Ухода-и-Возврата» А. Дж. Тойнби, ставя перед собой задачу ее развития на современном уровне гуманитарного знания, уточнения и конкретизации.

Ключевые слова: «Уход-и-Возврат», социокультурная стратегия, гуманитарное знание, цивилизация, «классическая» цивилизация, «пограничная» цивилизация, ценность, аскетические практики, подсистемы цивилизационной системы, синкретический тип творческой личности.

Одной из ключевых проблем современного гуманитарного знания является изучение социокультурных механизмов, обеспечивающих воплощение тех или иных принятых какой-либо общностью ценностей и идей в различные социальные и ментальные практики. Собственно, речь идет о том процессе, который А. Дж. Тойнби называл «трансференцией» и суть которого состоит в переносе «результатов работы личности в сферу внешних социокультурных отношений»¹. Согласно Тойнби, развертывание данного процесса обеспечивается действием механизма, характеризованного им с помощью словесной формулы «Уход-и-Возврат»: «Уход-и-Возврат, таким образом, можно рассматривать как “двухтактный” ритм творческих актов, составляющих процесс роста»². По нашему убеждению, как обобщение исторического опыта, так и анализ современного состояния различных человеческих общностей позволяют сделать вывод, что Тойнби отразил в своей концепции ряд важнейших черт реальности «мира людей». Достигнутый к настоящему времени уровень знания в гуманитарии позволяет развить, уточнить и конкретизировать ряд основных положений и идей великого английского историка. Решению этой задачи и призван способствовать данный проект.

Предполагается сосредоточить внимание его участников на поисках решения двух ключевых

проблем: во-первых, попытаться выделить универсальные черты феномена «Ухода-и-Возврата», проявляющиеся во всех культурных средах³ и охарактеризовать главные его разновидности; во-вторых, проанализировать, каким образом тип цивилизации влияет на характер и формы развертывания процесса «Ухода-и-Возврата». При этом основное внимание будет сфокусировано на российской специфике, рассматриваемой, однако, в контексте сравнения с иными цивилизациями.

«Уход-и-Возврат» как универсальный исторический феномен. В целях определения основных контуров смыслового поля, в рамках которого можно было бы организовать дискуссию по первой из названных проблем, выносятся на обсуждение следующие основные положения.

Следуя путеводной нити «Постижения истории» А. Дж. Тойнби, мы исходим из того, что «творческая личность или творческое меньшинство встают на путь Ухода-и-Возврата, чтобы ответить на вызов, брошенный обществу, к которому они принадлежат»³. Движение «Ухода-и-Возврата» развертывается, таким образом, на двух уровнях социокультурной системы – личностном и надличностном. «Уход» во всех своих многочисленных разновидностях (основные из них перечислены в упомянутом труде Тойнби) – это всегда разрыв (добровольный или вынужденный) с привычным образом (и – в связи с этим – с привычным ритмом) жизни.

¹ См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991, с. 261.

² Там же.

³ Там же, с. 274.

Это может быть разрыв с прежней средой обитания, в том числе: а) переселение (отдельного человека, группы людей или даже целого народа — вплоть до крайних форм исхода); особой разновидностью этой формы «Ухода» является эмиграция — разрыв с родиной (от отдельного человека до той или иной социальной, этнической или религиозной общности); б) уход из общества в поисках духовного самообретения (различные виды религиозных аскетических практик: христианских, буддистских, индуистских; в связи с этим — феномен монашества в тех или иных исторических разновидностях).

Это может быть и уход в относительную изоляцию в рамках общества без смены среды обитания в результате коренного изменения основной жизненной ориентации отдельного человека или группы людей (от радикальной перемены социально-политической позиции до «ухода в текст» в различных духовных практиках — как в рамках религиозных традиций, так и в формах «внутренней эмиграции» в условиях тоталитарных режимов).

Это может быть также отказ (добровольный или вынужденный) от прежнего, привычного вида деятельности и переход к совершенно новому. «Формы ухода различны, но результат одинаков: отдельная личность или какое-либо социальное меньшинство, охваченные этим движением, высвобождают свою энергию для того, чтобы сконцентрировать ее на творческой работе»⁴.

Однако акт «Ухода» приобретает смысл лишь в том случае, если его итогом становится движение «Возврата». «Уход позволяет личности реализовать свои индивидуальные потенции, которые не могли бы найти выражения, подавленные прессом социальных обязательств, неизбежных в обществе. Уход дает возможность, а может быть, и является необходимым условием духовного преобразования, но в то же время преобразование лишено цели и смысла, если оно не становится прелюдией к возвращению преобразенной личности в общество, из которого она удалась. Возвращение есть сущность всего движения, равно как и его окончательная цель»⁵. По словам Тойнби, «...импульс, благодаря которому за уходом следует возврат, внутренне присущ человеческой природе»⁶.

По нашему мнению, многие реалии как мировой, так и отечественной истории подтверждают эти суждения великого английского историка. Понимаемый в тойнбианском духе (т. е. максимально

широко) «Уход-и-Возврат» — это именно единый двухтактный процесс, обе части которого взаимно предполагают друг друга. Возможен, конечно, Уход без Возврата, но в таком случае речь может идти только об уходе в смерть, точнее — в социальное небытие, ибо творческая личность может вернуться к людям в результатах своего творчества и после собственной физической смерти.

Формы «Возврата» столь же разнообразны, как и формы «Ухода». Главные из них: возвращение к людям с новыми духовными силами, полученными в ходе следования по пути религиозной аскезы вдали от «мира»; включение в жизнь общества в новом качестве в результате смены типа деятельности; возвращение на родину после достаточно длительного отсутствия с багажом нового духовного опыта; возврат «творческого меньшинства» в социальную жизнь после периода отстранения от основного потока этой жизни.

Все сказанное до сих пор представляет собой в сущности концентрированное изложение тех положений Тойнби, которые в любом случае служат в качестве исходной базы дискуссии. Получить приращение нового знания можно, на наш взгляд, сосредоточив внимание на изучении социокультурных условий, при которых оказывается возможным «Уход-и-Возврат». В этой связи предлагаются к обсуждению следующие темы.

Феномен «Ухода-и-Возврата» и механизм традиции. Движение «Ухода-и-Возврата» необходимым образом предполагает либо отход от традиции (вплоть до разрыва), либо выдвигание новой ее интерпретации. Таким образом, это в любом случае означает изменение соотношения в связке «традиция-инновация» в пользу инновационной стороны культуры, что соответствует пониманию сути «Ухода-и-Возврата» как процесса, посредством которого создаются условия как для творчества, так и для социализации его результатов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что инициаторы «Ухода», как правило, отвергают лишь какую-то определенную часть исторического наследия, одновременно стремясь опереться на другую его часть. Очень часто «Уход-и-Возврат» связан со стремлением вернуться к истокам той или иной традиции: религиозной, социальной, политической.

Так или иначе, выдвигание на первый план инновационной стороны культуры неизбежно означает и изменения в подходе к решению остальных ключевых экзистенциальных проблем: соотношения мирского и сакрального (утверждение идеи активной роли человека во взаимоотношениях со сферой сакрального); человека и природы (эволюция в сторону более активной позиции че-

⁴ Тойнби А. Дж. Указ. соч., с. 283.

⁵ Там же, с. 267.

⁶ Там же, с. 276.

ловека в отношении природы, усиление стремления приспособить к собственным потребностям природное окружение, ослабление тенденции пассивной адаптации к окружающей среде); индивида и социума (отчетливо проявляющееся тяготение к большей самостоятельности, более активной роли личности по отношению к обществу).

Процесс «Ухода-и-Возврата» как формирование цивилизационной альтернативы. Развертывание данного процесса на цивилизационном уровне (по Тойнби, выделение «творческого меньшинства» и его уход из обычной жизни общества) означает появление альтернативы господствующему в данный исторический момент цивилизационному строю — иными словами, формирование зародыша новой социокультурной системности. Критерием, позволяющим судить о том, что осуществляющая «Уход» формирующаяся социокультурная общность вышла на цивилизационный уровень, является ее способность выработать свой способ осуществления основных социальных функций, жизненно необходимых для функционирования любой системы цивилизационного уровня сложности. Согласно широко распространенной в системных социальных исследованиях теоретической модели Т. Парсонса, можно выделить четыре подсистемы общества, каждая из которых выполняет одну из такого рода функций: адаптивную (практически совпадающую с экономикой, материальным производством); целеполагания или целедостижения (эмпирически это — политическая организация); интеграции (в нее включаются: принятая той или иной общностью совокупность норм, механизмы разрешения внутренних конфликтов, различные сообщества людей, обеспечивающие воплощение норм и работу данных механизмов); «поддержания образца» (*pattern maintenance*), или латентную, в рамках которой генерируются и постоянно воспроизводятся базовые ценности, придающие смысл самому существованию той или иной человеческой общности, определяющие главные черты ее исторического лица, ее представление о себе самой и своих задачах. Важнейшая функция этой последней подсистемы — формирование и поддержание знаково-символической структуры, т. е. определенным образом организованной совокупности знаков и символов, обеспечивающих коммуникацию между людьми, воспроизводимой каждым новым поколением, включающей не меняющиеся ее характеристики, но неизменной в своих основах⁷. Как

⁷ См.: Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии. Социология сегодня. М., 1965; он же. Система современных обществ. М., 1998; он же. О социальных системах. М., 2002; Parsons T. The Structure of Social Action. New York, 1937; *idem*.

показал отечественный исследователь Л. А. Седов, данные подсистемы соотносятся по иерархическому принципу: какая-то из них доминирует, выполняет роль регулирующего механизма, содержит в себе обобщенную программу действия, в то время как остальные обеспечивают энергетические ресурсы для осуществления действия⁸.

Та новая социокультурная системность, основы которой формируются в процессе «Ухода-и-Возврата», воплощающего цивилизационную альтернативу «творческого меньшинства», необходимым образом предполагает вполне определенную иерархию подсистем: в качестве доминирующей выступает подсистема «поддержания образца», т. е. генерирования новых ценностей, вокруг которых сплачивается новое сообщество и которые определяют специфику осуществления остальных трех перечисленных выше главных социальных функций.

Понимание движения в свете концепции «Ухода-и-Возврата». Универсальной претпосылкой (и одновременно условием) развертывания процесса «Ухода-и-Возврата» в сфере религиозной духовной практики является вполне определенное сложное понимание движения. При всей значимости и для всех видов паломничества, для некоторых конфессий (к примеру, беспоповского согласия бегунов-странников в России)⁹, чисто пространственного перемещения в направлении сакрального локуса, ключевую роль здесь играет идея «стояния в вере», в рамках которой, говоря словами В. Н. Топорова, «стояние «неподвижность, покой»» предстают как «форма особого типа интенсивного движения — восхождения духа»¹⁰.

«Уход-и-Возврат» как форма движения к идеалу. Религиозные и светские формы осуществления инакомыслия (как духовного обоснования «Ухода») и его регламентация кодифицированным и обычным правом:

– языковая рефлексия (в устной и письменной культурах) «Ухода-и-Возврата» в языковых кон-

Essays in Sociological Theory. New York, London, 1964 ; *idem*. Politics and Social Structure. New York, 1969; *idem*. The Evolution of Societies. Englewood Cliffs (N.Y.), 1977.

⁸ Седов Л. А. К типологизации средневековых общественных систем Востока. Попытка системного подхода // Народы Азии и Африки. 1987, № 5, с. 56–62.

⁹ См., например: Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007.

¹⁰ Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт пути в языке и культуре. М., 1996, с. 68.

структах, описывающих семантику разномыслия, факторы раскола, провоцирующие «Уход», и зоны диалога, преодоления разрывов (возможные пути «Возврата»);

– специфика взаимоотношений власти, социальных институтов и личности, бегство как протест, связанный с узурпацией креативных социальных функций государством;

– социальные и сакральные санкции понятий сущего и должного, их влияние на поведенческие стратегии и духовное обоснование приятия и отрицания мира;

– «Уход» в утопию как форма разрыва с господствующей социальной реальностью;

– выход из транс социальной утопии: утраты и расширение опыта;

– выход из трансцендентного в социальных практиках религиозной утопии как форма «Возврата»;

– различные исторические разновидности индивидуализма и их роль в тех или иных формах «Ухода» (от дневнопалестинских пророков и эллинских философов «осевого времени» до крайних форм современного буржуазного индивидуализма.

Особенности процесса «Ухода-и-Возврата» в условиях различных цивилизационных типов.

Существенный отпечаток на особенности развертывания процесса «Ухода-и-Возврата» оказывает тип цивилизации. Данный процесс развивается по-разному в условиях великих «классических» цивилизаций Запада и Востока и цивилизационных общностей «пограничного» типа¹¹. Эти две основные разновидности цивилизационного устройства отличаются принципиально различным соотношением начал (принципов) единства и многообразия. В «классических» цивилизациях доминирует начало единства, наличествует некий духовный стержень, который пронизывает, скрепляет подчас почти необозримое множество составляющих: этнических, языковых, конфессиональных и т. п.

¹¹ Обоснование данного варианта цивилизационной классификации и развернутую характеристику «пограничного» цивилизационного типа см. в работах: *Шемякин Я. Г.* Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001; *он же.* Пограничные цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции // Латинская Америка. 2007, № 7; *он же.* Граница (Процесс перехода и тип системности) // ОНС, 2009, № 5; *он же.* Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: Россия – Латинская Америка – Запад // ОНС, 2011, № 3; *Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д.* Россия – Евразия: специфика формообразования в цивилизационном пограничье // ОНС, 2004, № 4, 5; *они же.* Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки // Латинская Америка, 2009, № 9–10; *Шемякина О. Д.* Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога // ОНС, 2011, № 1, и др.

В «пограничных» цивилизациях преобладает начало многообразия (хотя и единство тоже вполне реально). Следствием этого основного отличия является коренная разница в степени институционализированности: она весьма высока в условиях доминанты единства и относительно низка в условиях доминанты многообразия. Отсюда и специфика рассматриваемого процесса в обоих цивилизационных типах. В «классических» цивилизациях характер «Ухода-и-Возврата» обусловлен тем, что это – разрыв с высоко институционализированной сферой с последующим возвращением в такую же сферу. В цивилизационном «пограничье» специфика феномена «Ухода-и-Возврата» во многом обусловлена низкой степенью институционализированности. На изучении именно этой специфики предполагается сосредоточить особое внимание в связи с тем, что, как следует из результатов цивилизационных исследований последних двух десятилетий, к числу цивилизаций «пограничного» типа относится и российская. В данном контексте предлагаются к обсуждению следующие основные положения.

1. Общий характер «Ухода» в цивилизационном «пограничье» прямо обусловлен тем, что это всегда уход из относительно слабо институционализированной среды, чаще всего (особенно в российском случае) – бегство от государства. В силу относительно слабой институционализированности акт «Ухода» осуществить здесь легче, чем в «классических» цивилизациях. А вот «Возврат» (т. е. реализация в социальных практиках накопленного в результате «Ухода» духовного опыта) по той же самой причине в цивилизационном «пограничье» всегда был серьезно затруднен, поскольку неизменно ощущалась нехватка институциональных ресурсов для реализации тех или иных идей и планов.

Охарактеризованная специфика изучаемого феномена во многом была связана с самим характером построения институциональной сферы в «пограничных» цивилизациях (опять же прямо обусловленного низкой степенью институционализированности): данная сфера держалась «взаимопором» (С. С.Аверинцев) противоположностей – тенденций к доминированию подсистемы целеполагания (нашедшей главное свое выражение в гипертрофии государственности, пытающейся поставить под свой контроль все стороны жизни как общества, так и отдельного человека) и к одновременному сохранению реальной автономии остальных трех перечисленных выше подсистем цивилизационной системы.

2. Значительный отпечаток на характер и формы «Ухода» в цивилизационном «пограничье» наложил сохраняющийся мощный пласт со-

циокультурного наследия архаики, что особенно явно прослеживается на российском материале. Протестные движения выступают здесь на протяжении основной части истории как уход от господствующей социальной нормы и попытка возврата к идеалу «Правды», воплощенному в общинных традициях.

3. Важную роль в социокультурном контексте цивилизационного «пограничья» играет «Уход» в сакральные (или претендующие на сакральный статус) тексты (вплоть до бегства от окружающей действительности) как путь обретения (или восстановления) духовной целостности, подобное обретение как предпосылка возвращения в «мир людей» посредством религиозных, социальных и политических практик. Особое значение этой формы «Ухода-и-Возврата» в условиях раскола общества на вестернизированную элиту и основную массу народа в «Санкт-Петербургской» России.

4. В «пограничных» цивилизациях доминанта многообразия обуславливает то обстоятельство, что подобные цивилизации могут существовать лишь в том случае, если будет достигнута повышенная (по сравнению с «классическими» цивилизациями) степень проницаемости внутренних границ в культуре между различными взаимодействующими традициями как на межличностном, так и на внутриличностном уровне (поскольку в цивилизационном «пограничье» подобное взаимодействие интериоризируется в душах людей). А это, в свою очередь, достижимо лишь в случае выработки повышенной способности к оперированию знаковыми структурами разного происхождения и характера, прежде всего – различными комплексами символов. Подобная «сверхзадача» может быть решена только при условии, если: во-первых, ключевую роль приобретает личностный уровень функционирования цивилизационной системы; во-вторых, в рамках самого этого уровня преобладает не надличностный нормативно-ценностный пласт (наличествующий в любой личности и воплощающий принцип единства цивилизации), а то «пространство свободы» в интерпретации общепринятых норм и ценностей, которое имеется в каждом человеке. Именно это пространство становится основной «зоной разрывания» процесса «Ухода-и-Возврата» в «пограничных» цивилизациях.

Находясь в ситуации постоянного напряженного взаимодействия различных духовных начал и традиций, в силу достижения в этих условиях повышенной способности к оперированию качественно различными знаковыми структурами человек цивилизационного «пограничья» способен и вынужден постоянно переходить внутренние грани-

цы тех или иных традиций в собственной душе (например, переходить границу «Европы», ставшей неотъемлемой составляющей его собственного внутреннего мира), а затем возвращаться «к себе», к той традиции, с которой он себя на сознательном уровне так или иначе отождествляет. Подобный переход внутренних границ в обоих направлениях (иными словами, «Уход-и-Возврат») носил (и носит), таким образом, характер постоянно идущего процесса, который отличался (и отличается) повышенной интенсивностью.

5. Среди «пограничных» цивилизаций выделяются две общности планетарного масштаба, который обуславливает особое (в том числе и по сравнению с другими представителями этого цивилизационного типа) социокультурное качество. Данное качество проявляется в некоторых отличительных чертах процесса «Ухода-и-Возврата». Его специфика обусловлена здесь двумя обстоятельствами. Первое из них – особый характер соотношения пространства и времени в пространственно-временном континууме цивилизации, а именно – преобладание пространства над временем. Соответственно, физическое перемещение в пространстве в процессе «Ухода» всегда играло здесь существенно более важную роль, чем в иных цивилизациях. Второе обстоятельство связано с гораздо более значительной, чем во всех иных типах человеческих сообществ, ролью хаоса в цивилизационной системе, обусловленной конкретно-историческими условиями генезиса («травма конкисты» в Латинской Америке; коллизии, связанные с «антитезой вер» – византийского христианства и славянского язычества – на первом этапе христианизации Руси) и эволюции (регулярные катастрофические разрывы социокультурной ткани, обрывы нити прямой исторической преемственности при переходе от одного этапа цивилизационного развития к другому). И к России, и к Латинской Америке более всего подходит формула В. Н. Ильина: хаокосмос.

Подобная роль хаоса обусловила необходимость максимальной мобилизации всех духовных потенциалов, в том числе использования творческого потенциала всех взаимодействующих традиций. С этим связаны стремление к синкретизму двух основных интеллектуальных стратегий – «правополушарной» и «левополушарной» (по Вяч. Вс. Иванову) и формирование специфического, синкретического типа творческой личности, сочетающей в себе черты мыслителя (в том числе религиозного), «художника» (в широком смысле) и ученого. Именно подобный тип личности играл ключевую роль в процессе «Ухода-и-Возврата» в планетарном

«пограничье» вообще и в специфических формах «Ухода в текст» в особенности. Отсюда и отчетливо выраженная тенденция к сочетанию рационально-дискурсивного и эмоционально-образного начал в произведениях российских и латиноамериканских

мыслителей, писателей и (отчасти) ученых. С этим связана и совершенно особая роль жанра эссе в духовном космосе цивилизационных «пограничий», в том числе в процессе развертывания процесса «Ухода-и-Возврата».

Список литературы:

1. Parsons T. *Essays in Sociological Theory*. New York, London, 1964.
2. Parsons T. *Politics and Social Structure*. New York, 1969.
3. Parsons T. *Structure of Social Action*. New York, 1937.
4. Parsons T. *The Evolution of Societies*. Englewood Cliffs (N.Y.), 1977.
5. Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007.
6. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
7. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии. Социология сегодня. М., 1965.
8. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
9. Седов Л. А. К типологизации средневековых общественных систем Востока. Попытка системного подхода // Народы Азии и Африки, 1987, № 5, с. 56–62.
10. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991.
11. Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт пути в языке и культуре. М., 1996, с. 7–88.
12. Шемякин Я. Г. «Пограничные» цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции // Латинская Америка, 2007, № 7.
13. Шемякин Я. Г. Граница. (Процесс перехода и тип системности) // ОНС, 2009, № 5.
14. Шемякин Я. Г. Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: Россия – Латинская Америка – Запад // ОНС, 2011, № 3.
15. Шемякин Я. Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.
16. Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д. Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки // Латинская Америка, 2009, № 9, 10.
17. Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д. Россия – Евразия: специфика формообразования в цивилизационном пограничье // ОНС, 2004, № 4, 5.
18. Шемякина О. Д. Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога // ОНС, 2011, № 1.

Bibliography:

1. Dutchak E.E. Iz «Vavilona» v «Belovod'e»: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina Kh1Kh – nachalo KhKh1 v.). Tomsk, 2007.
2. Parsons T. Obshcheteoreticheskie problemy sotsiologii. Sotsiologiya segodnya. M., 1965.
3. Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv. M., 1998.
4. Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh. M., 2002.
5. Sedov L. A. K tipologizatsii srednevekovykh obshchestvennykh sistem Vostoka. Popytka sistemnogo podkhoda // Narody Azii i Afriki, 1987, № 5, s. 56–62.
6. Toynbi A. Dzh. Postizhenie istorii. M., 1991.
7. Toporov V.N. Ob odnom iz paradoksov dvizheniya. Neskol'ko zamechaniy o sverkh-empiricheskom smysle glagola «stoyat'», preimushchestvenno v spetsializirovannykh tekstakh // Kontsept puti v yazyke i kul'ture. M., 1996, s. 7–88.
8. Shemyakin Ya.G. Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodeystvie tsivilizatsiy v kontekste vseмирной istorii. M., 2001.
9. Shemyakin Ya. G. «Pogranichnye» tsivilizatsii planetarnogo masshtaba. Osobennosti i perspektivy evolyutsii // Latinskaya Amerika, 2007, № 7.
10. Shemyakin Ya. G. Granitsa. (Protsess perekhoda i tip sistemnosti). // ONS, 2009, № 5.
11. Shemyakin Ya. G. Diskurs vzaimodeystviya i vzaimodeystvie diskursov: Rossiya – Latinskaya Amerika – Zapad // ONS, 2011, № 3.

12. Shemyakin Ya. G., Shemyakina O.D. Rossiya – Evraziya: spetsifika formoobrazovaniya v tsivilizatsionnom pogranich'e // ONS, 2004, № 4, 5.
13. Shemyakin Ya. G., Shemyakina O.D. Puti i usloviya dostizheniya tselostnosti tsivilizatsionnoy sistemy. Sopostavlenie istoricheskogo opyta Rossii i Latinskoy Ameriki // Latinskaya Amerika, 2009, № 9, 10.
14. Shemyakina O. D. Razryv i preemstvennost' v russkoy kul'turnoy traditsii: opyt dialoga // ONS, 2011, № 1.
15. Parsons T. Structure of Social Action. New York, 1937.
16. Parsons T. Essays in Sociological Theory. New York, London, 1964.
17. Parsons T. Politics and Social Structure. New York, 1969.
18. Parsons T. The Evolution of Societies. Englewood Cliffs (N.Y.), 1977.